

Казимова Альбина Майдулаховна

ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛА КУРУШСКОГО ГОВОРА ЛЕЗГИНСКОГО ЯЗЫКА

В статье речь идет об особенностях глагола курушского говора лезгинского языка. Освещены такие явления: отрицательные формы глагола, трактуемые в специальной литературе нередко как отрицательное наклонение, в курушском говоре образуются присоединением соответствующих суффиксов отрицания -ш, -ший вместо -чн, -чнир литературного языка; своеобразное образование деепричастий прошедшего времени, которые не встречаются больше ни в одной другой диалектной единице лезгинского языка; образование специфической формы причастий прошедшего времени от сложных глаголов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/25.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. II. С. 94-100. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

GROTESQUE AND MODEL OF ABSURD REALITY IN THE STORY BY D. BARTHELME "THE SCHOOL"

Zozulya Elena Vladimirovna
Cherkasy State Technological University, Ukraine
lzozulia@yahoo.com

The article analyzes the basic tendencies and approaches of modern literary criticism to the categorization and definition of the conception of "grotesque". The author makes a comparison of grotesque and the related phenomenon of irony in the story by D. Barthelme "The School" from the collection "Sixty Stories". The writer's poetics is associated in the first place with using the methods of game and grotesque in the work of literature. The author traces the tendency of apocalyptic nature and absurdity of images and events created by the writer.

Key words and phrases: post-modernism; irony; grotesque; game; apocalypse; chaos.

УДК 811.351.32

Филологические науки

В статье речь идет об особенностях глагола курушского говора лезгинского языка. Освещены такие явления: отрицательные формы глагола, трактуемые в специальной литературе нередко как отрицательное наклонение, в курушском говоре образуются присоединением соответствующих суффиксов отрицания -и, -ший вместо -чъ, -чъир литературного языка; своеобразное образование деепричастий прошедшего времени, которые не встречаются больше ни в одной другой диалектной единице лезгинского языка; образование специфической формы причастий прошедшего времени от сложных глаголов.

Ключевые слова и фразы: курушский говор; лезгинский язык; моноконсонантизм; отрицательные формы глагола; своеобразное образование деепричастий; образование специфической формы причастий; тематический гласный (детерминант).

Казимова Альбина Майдулаховна

Дагестанский государственный педагогический университет
a.cazimowa@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛА КУРУШСКОГО ГОВОРА ЛЕЗГИНСКОГО ЯЗЫКА[©]

Глагол в курушском говоре, так же как и в современном лезгинском литературном языке, имеет морфологические категории наклонения, времени, лица, а также категорию переходности и непереходности. Кроме того, глагол включает в свою систему особые формы, обладающие как глагольными, так и неглагольными категориями и признаками: масдар, причастие и деепричастие.

Глагольные словоформы могут иметь в своем составе разные структурные элементы [3, с. 135]. Размещение их в глагольной основе упорядочено: корню предшествуют приставки (отрицательные) и превербы, за корнем следуют показатели времени или наклонения.

Глагольные формы говора по ряду особенностей своего образования и изменения отличаются от соответствующих глагольных форм литературного языка.

Основными формами глагола, дающими начало многочисленным глагольным временам и наклонениям, являются формы масдара, целевая форма и причастие прошедшего времени [1, с. 52].

Грамматических классов в курушском говоре и лезгинском языке в целом нет, они утрачены.

По мнению Г. Х. Ибрагимова, «одной из древнейших структурных особенностей глагола восточнокавказских языков является морфологическая категория класса, которая в процессе развития претерпела существенные изменения, а в удинском, лезгинском и агульском языках вовсе перестала функционировать» [5, с. 89].

Окаменелые элементы грамматических классов сохранились в диалектах лезгинского языка, ср.:

Куруш. гов.	Кимил. гов.	Лит. яз.	
цЫ ^н	йырцЫ ^н	цІуру ^н	«таять»
кьы ^н	йыкьы ^н	кьу ^н	«держатъ»
гыргы ^н	йыргы ^н	ругу ^н	«кипеть»
гы ^н	йыгы ^н	гу ^н	«дать»
гьау ^н	йы ^н	аву ^н	«делать»

Нам представляется, что в приведенных лексемах кимильского говора (кубинское наречие) анлаутный согласный [й] является классным показателем, в курушском говоре и литературном языке данный окаменелый элемент (или рудимент) утрачен. «Изучение диалектных форм лезгинского языка в историческом аспекте дает возможность заключить, что категория грамматического класса не была чужда лезгинскому глаголу» [8, с. 363].

В простых непроемных (первообразных) глаголах в говоре и литературном языке последовательно прослеживается принцип моноконсонантизма корня. В таких глаголах показателю масдара -н (категориальному суффиксу) в говоре предшествует преимущественно тематический гласный (детерминант) -ы-, нехарактерный для литературного языка, ср.:

Куруш. гов.	Лит. яз.	
гы ^н	гу ^н	«дать»
гы ^н	гъу ^н	«приносить»
кы ^н	къу ^н	«остывать»
хы ^н	ху ^н	«сломать»
хы ^н	хъу ^н	«быть»
цы ^н	цу ^н	«наливать»

На -ы^н (вместо литературного аффикса -у^н) в говоре оканчиваются и некоторые глаголы других структурных типов, например:

Куруш. гов.	Лит. яз.	
ыгы ^н	агы ^н	«верить»
акы ^н	акъу ^н	«попадать, сталкиваться»
акы ^н	акъу ^н	«застрять»
аты ^н	ату ^н	«приходить»

Кроме того, аффиксом -ы^н, присоединяемым к основе, характеризуются почти все сложные глаголы говора, например:

Куруш. гов.	Лит. яз.	
хаджэты ^н	гъужэты ^н	«спорить»
хуьрмэты ^н	гъурмэты ^н	«уважать»
кыаты ^н	кыату ^н	«отрезать»
хазыры ^н	гъазуру ^н	«готовить»
быгмышы ^н	бамишу ^н	«душить»

Ряд вспомогательных глаголов отличается от литературных лексем своей фонетической структурой:

Куруш. гов.	Лит. яз.	
гава	гва	«есть, находится (у кого – чего-л.)»
кыва	кхва	«есть, находится (под чем-л.)»
тыш	туш	«не является»

В целом масдар (именная форма глагола, в которой совмещаются значения двух частей речи: глагола и имени существительного, т.е. значение действия, процесса и значение предмета) в говоре образуется присоединением аффиксов -ын, -ин, -ун, -уьн. Исходным из них, по мнению исследователей, является -ун, восходящий к вспомогательному глаголу аву^н «делать» (куруш. гов. гъау^н) [2, с. 128].

Аффиксы -ин, -ун, -уьн в говоре функционируют в ограниченном количестве слов. Примеры:

Куруш. гов.	Лит. яз.	
ги ^н	гу ^н	«жать»
чакъу ^н	жакъу ^н	«жевать»
чу ^н	уьчу ^н	«рухнуть»
экъу ^н	экъу ^н	«ходить» и др.

Как видно из приведенных примеров, согласный [н] в данных формах слов сильно ослабляется, оставив лишь след в препозитивном гласном.

В говоре масдар, как и в литературном языке, склоняется в обоих числах по типу склонения имен существительных [6, с. 250].

Склонение масдара:

Таблица № 1

	Ед.ч.		Мн.ч.	
Им.	хы ^н «сломать»	чыхины ^н «мыть, стирать»	хынар	чыхинар
Эрг.	хыны	чыхины	хы ^н ры	чыхин ^н ры
Род.	хыны ^н	чыхини ^н	хы ^н ры ^н	чыхини ^н ры ^н
Дат.	хыныз	чыхиниыз	хы ^н рыз	чыхини ^н рыз
М.п. I	хыны	чыхины	хы ^н ры	чыхини ^н ры
М.п. II	хынал	чыхинал	хы ^н рал	чыхини ^н рал
М.п. III	хыныг	чыхиниыг	хы ^н рыг	чыхини ^н рыг
М.п. IV	хыныхь	чыхининыхь	хы ^н рыхь	чыхини ^н рыхь

Им.	хы ^h «сломать»	ч ^h ихи ^h «мыть, стирать»	хынар	ч ^h ихинар
М.п. V	хыныkh	ч ^h ихиных	хы ^h рых	ч ^h ихи ^h рых
М.уд. I	хынагъ	ч ^h ихинагъ	хы ^h рагъ	ч ^h ихи ^h рагъ
М.уд. II	хы ^h лагъ	ч ^h ихи ^h лагъ	хы ^h рылагъ	ч ^h ихи ^h рылагъ
М.уд. III	хы ^h вагъ	ч ^h ихи ^h вагъ	хы ^h рывагъ	ч ^h ихи ^h рывагъ
М.уд. IV	хы ^h хагъ	ч ^h ихи ^h хагъ	хы ^h рыхагъ	ч ^h ихи ^h рыхагъ
М.уд. V	хы ^h khaгъ	ч ^h ихи ^h khaгъ	хы ^h рыkhaгъ	ч ^h ихи ^h рыkhaгъ
Поср. I	хыналзы	ч ^h ихиналзы	хы ^h ралзы	ч ^h ихи ^h ралзы
Поср. II	хыныгзы	ч ^h ихинигзы	хы ^h рыгзы	ч ^h ихи ^h рыгзы
Поср. III	хыныхъзы	ч ^h ихинихъзы	хы ^h рыхъзы	ч ^h ихи ^h рыхъзы
Поср. IV	хыныkhзы	ч ^h ихинихkhзы	хы ^h рыхkhзы	ч ^h ихи ^h рыхkhзы

Особенности глагольных наклонений.

В лезгинском языке разные исследователи выделяют различное число глагольных наклонений. Л. И. Жирков [4, с. 60] вообще избегал термина «наклонение» и говорил о функционировании в языке особых форм глагола: повелительной, условной, запретительной, вопросительной и отрицательной. Его в грамматику лезгинского языка ввёл в своей работе, специально посвященной категориям глагола, Г. В. Топурия [9, с. 116]. Однако применил он этот термин только по отношению к формам повелительного наклонения.

Понятие наклонение часто смешивается с более широким понятием модальность [1, с. 52]. Следствием этого является чрезвычайный разброс как в числе выделяемых в разных работах форм наклонения, так и в трактовке их значений.

Морфологическая категория наклонения в говоре [9, с. 100], как в лезгинском языке в целом, представлена системой шести наклонений: изъявительного, вопросительного, условного, уступительного и предположительного. Как правило, изъявительное наклонение представляет собой целый ряд временных форм, дающих начало для форм вопросительного, условного, уступительного наклонений. Формы этих наклонений образуются от изъявительного наклонения с помощью аффиксов.

В курушском говоре отдельные временные формы изъявительного наклонения образуются иначе, чем в литературном языке и других диалектах.

Так, в говоре будущее время глагола образуется от основы деепричастия суффиксацией форматива -зы, которому в литературном языке соответствует -да, например:

Куруш. гов.	Лит. яз.	
гузы // гуз	гуда	«даст»
thазы // thаз	thада	«оставит»
физы // физ	фида	«пойдет»
хвазы // хваз	хвада	«выпьет»
рахазы // рахаз	рахада	«поговорит»

Форма прошедшего совершенного времени в говоре имеет показатель -ы в противовес показателю -а литературного языка, ср.:

Куруш. гов.	Лит. яз.	
ганы	гана	«дал»
гъаны	гъана	«принес»
чызыны	жузуна	«спросил»
чIакъваны	жакъвана	«пожевал»
зырзаны	зурзана	«подрожал»

В курушском говоре суффиксом прошедшего совершенного сложного времени является -вы вместо -ва литературного языка. Данный компонент восходит к недостаточному глаголу ава «есть, имеется (куруш. гов. авы)»:

Куруш. гов.	Лит. яз.	
га ^h вы	га ^h ва	«дал»
thунвы	thун ^h ва	«оставил»
фэ ^h вы	фэ ^h ва	«пошел»
хва ^h вы	хва ^h ва	«выпил»
ч ^h ихэ ^h вы	ч ^h уэхвэ ^h ва	«помыл, постирал»

Отрицательный императив (запретительная форма повелительного наклонения) говора образуется с помощью суффикса -мэр от основы инфинитива, в литературном языке используется суффикс -мир:

Куруш. гов.	Лит. яз.	
къацумэр	къач ^h умир	«не бери»
чIырмэр	чIурмир	«не порть»
хвамэр	хвамир	«не пей»

В говоре условное наклонение глагола с показателем -гIа имеет, в отличие от литературного языка, и параллельную усеченную форму, образованную от усеченных причастий, например:

Куруш. гов.	Лит. яз.	
гээтIа // гэйтIа	гайтIа	«если даст»
гьээтIа // гьэйтIа	гьайтIа	«если принесет»
фээтIа // фэйтIа	фэйтIа	«если пойдет»

Уступительное наклонение образуется присоединением к формам условного наклонения форманта -ны (лит. -ни). В говоре в быстрой речи более употребительна форма уступительного наклонения с аффиксом -н (без гласного элемента [ы]):

Куруш. гов.	Лит. яз.	
гьаунатIаны // гьаунатIа ^н	авунатIани	«хотя сделал»
акунатIаны // акунатIа ^н	акунатIани	«хотя увидел»
кьацунатIаны // кьацунатIа ^н	кьачхунатIани	«хотя взял»
чIвэнатIаны // чIвэнатIа ^н	уцIвэнатIани	«хотя разрушился, развалился»

В описываемой речи фиксируется также усеченная форма уступительного наклонения (без конечного гласного [и] исходной основы), например:

Куруш. гов.	Лит. яз.	
гээтIаны // гэйтIаны	гайтIани	«хотя даст»
гьээтIаны // гьэйтIаны	гьайтIани	«хотя принесет»
хьээтIаны // хьэйтIаны	хьайтIани	«хотя будет»

Предположительное наклонение в говоре образуется с помощью суффикса -зы (лит. -ди), присоединяемого к основе деепричастия. Например:

Куруш. гов.	Лит. яз.	
аквазы	аквади	«увидит»
гузы	гуди	«даст»
жэзы	жэди	«будет»
гьызы	гьиди	«принесет»

Отрицательные формы глагола (в специальной литературе они также нередко трактуются как формы наклонения) в курушском говоре образуются присоединением к соответствующим положительным суффиксов отрицания -ш, -ший вместо -чh, -чhир литературного языка, например:

Куруш. гов.	Лит. яз.	
	-ш (лит. -чh):	
атанаш	атаначh	«не пришел»
йакьынаш	жагьаначh	«не нашел»
экьвэнаш	кьэкьвэначh	«не ходил»
	-ший (лит. чhир):	
атанаший	атаначhир	«не приходил»
йакьынаший	жагьаначhир	«не находил»
чызынаший	жузуначhир	«не спрашивал»

Особенности причастий.

По мнению исследователей, причастие в лезгинском языке как самостоятельная часть речи не получило широкого развития. Так, Б. Б. Талибов считает, что «за исключением одной причастной формы, роль причастия того или иного времени в лезгинском языке выполняют временные формы глагола» [7, с. 576].

В говоре, как и в литературном языке, причастие различает три времени: настоящее, прошедшее и будущее.

Причастия настоящего времени имеют две формы, которые совпадают с формами прошедшего продолжительного времени спрягаемых глаголов. От соответствующих литературных слов данные причастия говора отличаются лишь фонетически, ср.:

Куруш. гов.	Лит. яз.	
цызваа	цазваа	«вспахиваемый»
цызмаа	цазмаа	«все еще вспахиваемый»
хьуркьвазваа	кьуразваа	«сохнувший»
хьуркьвазмаа	кьуразмаа	«все еще сохнувший»
цIызваа	цIразваа	«тающий»
цIызмаа	цIразмаа	«все еще тающий»

Диалектное отличие причастий прошедшего времени, образованных от непроизводных (первообразных) односложных глаголов посредством специальных формантов -айи, -эйи, заключается в том, что в говоре они имеют параллельную усеченную форму (без постпозитивного гласного [и]), например:

Куруш. гов.	Лит. яз.	
гъэйи // гъэй	гъайи	«принесенный»
къэйи // къэй	къайи	«охлажденный»
хэйи // хэй	хайи	«рожденный»
хъэйи // хъэй	хъайи	«случившийся»

Другая отличительная особенность говора – это образование специфической формы причастий прошедшего времени от сложных глаголов с помощью суффикса -ыр вместо литературного -ай, например:

Куруш. гов.	Лит. яз.	
кӀэлыр	кӀэлаа (граф. кӀелай)	«прочитанный»
ачӀыхыр	ачӀухаа (граф. ачухай)	«открытый»

Помимо описанной формы прошедшего времени на -айи, -эйи, причастие в говоре и литературном языке имеет еще одну самостоятельную форму на -р, не совпадающую с глаголами прошедшего времени. Различия в данных словах от литературных лексем сводятся к фонетическим, например:

Куруш. гов.	Лит. яз.	
къыр	къур	«подержанный, пойманный»
тһыр	тһур	«оставленный»

Причастия будущего времени в говоре образуются с помощью суффикса -зай (лит. -дай):

Куруш. гов.	Лит. яз.	
ацӀызаа	ацӀудаа	«который наполнится»
кызаа	куда	«горячо»

Следует отметить, что по фонетическим законам лезгинского языка конечный [й], когда он следует за гласным, сильно ослабляется, вызывая стяжение (долготу) предыдущего гласного (см. приведенные выше примеры).

Отрицательная форма причастий образуется суффиксацией -ший (лит. -чһир):

Куруш. гов.	Лит. яз.	
хьирхъэзваший	хьуръэзвачһир	«не смеющийся»
хьирхъэзмаший	хьуръэзмачһир	«уже не смеющийся»

Словоизменение причастия в курушском говоре и в лезгинском языке в целом неглагольное: оно склоняется по типу имен прилагательных. Склоняются причастия только при самостоятельном употреблении в субстантивированном виде, приняв для этого специальные суффиксы -ды (ед.ч.) – лит. -ди и -быр (мн.ч.) – лит. -бур. В говоре гласный компонент [ы] суффикса -быр, в отличие от литературного языка, во всех косвенных и мстных падежах опускается [6, с. 250].

Полная парадигма склонения имен прилагательных:

Склонение причастий.

Таблица № 2

	Ед.ч.	Мн.ч.		
Им.	Къэйизы «охлажденный»	кӀэлырзы «прочитанный»	къэйибыр	кӀэлырбыр
Эрг.	къэйиза	кӀэлырза	къэйибыр	кӀэлырбыр
Род.	къэйиза ^н	кӀэлырза ^н	Къэйибыр ^н	кӀэлырбыр ^н
Дат.	къэйизаз	кӀэлырзаз	къэйибырыз	кӀэлырбырыз
М.п. I	къэйизы	кӀэлырзы	къэйибыр	кӀэлырбыр
М.п. II	къэйизал	кӀэлырзал	къэйибрал	кӀэлырбрал
М.п. III	къэйизаг	кӀэлырзаг	къэйибырг	кӀэлырбырг
М.п. IV	къэйизахъ	кӀэлырзахъ	къэйибырхъ	кӀэлырбырхъ
М.п. V	къэйизакӀ	кӀэлырзакӀ	къэйибыркӀ	кӀэлырбыркӀ
М.уд. I	къэйизагъ	кӀэлырзагъ	къэйибрагъ	кӀэлырбрагъ
М.уд. II	къэйизалагъ	кӀэлырзалагъ	къэйибырлагъ	кӀэлырбырлагъ
М.уд. III	къэйизавагъ	кӀэлырзавагъ	къэйибырвагъ	кӀэлырбырвагъ
М.уд. IV	къэйизахъагъ	кӀэлырзахъагъ	къэйибырхъагъ	кӀэлырбырхъагъ
М.уд. V	къэйизакӀагъ	кӀэлырзакӀагъ	къэйибыркӀагъ	кӀэлырбыркӀагъ
Поср. I	къэйизалзы	кӀэлырзалзы	къэйибралзы	кӀэлырбралзы
Поср. II	къэйизагзы	кӀэлырзагзы	къэйибыргзы	кӀэлырбыргзы
Поср. III	къэйизахъзы	кӀэлырзахъзы	къэйибырхъзы	кӀэлырбырхъзы
Поср. IV	къэйизакӀзы	кӀэлырзакӀзы	къэйибыркӀзы	кӀэлырбыркӀзы

Особенности деепричастия.

Ряд отличительных особенностей курушского говора проявляется в системе деепричастия.

Как в говоре, так и в литературном языке, деепричастия по своим функционально-семантическим признакам делятся на две группы:

1) деепричастия времени и 2) деепричастия образа действия. Деепричастия времени обозначают действие, посредством которого, так же, как и посредством наречий времени, определяется или уточняется время, в которое происходит другое основное действие [2, с. 129].

Деепричастия настоящего времени в говоре образуются суффиксацией -лы (лит. -ла) к основе причастий настоящего времени, например:

Куруш. гов.	Лит. яз.	
къвэзваалы	къвэзваала	«когда приходил»
алукъзваалы	алукъзваала	«когда одевал»

Основная специфическая особенность говора в корпусе деепричастий заключается в том, что деепричастия прошедшего времени здесь маркируются суффиксом -ны в противовес -ла литературного языка. Форма деепричастий прошедшего времени с -ны не встречается больше ни в одной другой локальной единице лезгинского языка, кроме описываемого говора. Примеры:

Куруш. гов.	Лит. яз.	
алукъааны	алукъаала	«когда одел»
алыкъааны	алыкъаала	«когда упал»
ацукъааны	ацукъаала	«когда сел»
гааны	гаила	«когда дал»

Деепричастия только что прошедшего времени в говоре образуются от основы причастия прошедшего времени посредством суффикса -валзы, а в литературном языке -валди, ср.:

Куруш. гов.	Лит. яз.	
гаавалзы // гайивалзы	гайивалди	«как только дал»
гъаавалзы // гъайивалзы	гъайивалди	«как только принес»

В говоре деепричастия будущего времени образуются путем суффиксации форманта -азы к форме глагола будущего времени. В литературном языке данные деепричастия имеют показатель -лди, ср.:

Куруш. гов.	Лит. яз.	
ацукъзаазы	ацукъдалди	«до того, как сел»
алыкъзаазы	алыкъдалди	«до того, как упал»
къвэзаазы	къвэдалди	«до того, как придти»

Деепричастия образа действия обозначают совершаемые субъектами дополнительные сопровождающие действия, которые как бы определяют то, как совершается основное действие. Различия в деепричастиях образа действия в говоре в сравнении с литературным языком, в основном, сводятся к фонетическим, например:

Куруш. гов.	Лит. яз.	
ацукъны-ацукъны	ацукъна-ацукъна	«наседевшись»
кхилигны-кхилигны	кхилигна-кхилигна	«насмотревшись»
лыгъаны-лыгъаны	лыгъана-лыгъана	«наговорив» и т.д.

Таким образом, масдар в говоре характеризуется показателем (категориальным суффиксом) -н, общим и для литературного языка. Однако в говоре суффиксу -н преимущественно предшествует детерминант [ы], когда в лит. яз. используется [у].

Диалектное отличие причастий прошедшего времени, образованных от непроизводных (первообразных) односложных глаголов посредством специальных формантов -айи, -эйи, заключается в том, что в говоре они имеют параллельную усеченную форму (без постпозитивного гласного [и]).

Другая отличительная особенность говора – это образование специфической формы причастий прошедшего времени от сложных глаголов с помощью суффикса -ыр вместо литературного -аа (граф. -ай).

Деепричастия настоящего времени в говоре образуются суффиксацией -лы (лит. -ла) к основе причастий настоящего времени.

К числу специфических особенностей говора в корпусе деепричастий относится своеобразное образование деепричастий прошедшего времени посредством суффикса -ны (/ лит. -ла), которое не встречается больше ни в одной другой диалектной единице лезгинского языка.

В говоре деепричастия будущего времени маркируются суффиксом -азы, в лит. яз. -лди.

Отрицательный императив (запретительная форма повелительного наклонения) говора образуется от основы инфинитива посредством суффикса -мэр (лит. -мир).

Предположительное наклонение в говоре образуется суффиксацией -зы (лит. -ди) к основе деепричастия.

Отрицательные формы глагола, трактуемые в специальной литературе нередко как отрицательное наклонение, в курушском говоре образуются присоединением соответствующих суффиксов отрицания -ш, -ший вместо -чн, -чһир литературного языка.

Список литературы

1. **Алексеев М. Е., Шейхов Э. М.** Лезгинский язык. М.: Академия, 1997. 136 с.
2. **Гайдаров Р. И.** О некоторых исторически значимых особенностях диалектов в области склонения // Падежный состав и система склонения в лезгинских языках: сборник статей. Махачкала: Изд-во ДГУ, 1987. С. 128-132.
3. **Гюльмагомедов А. Г.** О «сложном глаголе» лезгинского языка // Материалы 6-й региональной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Майкоп: Изд-во Адыгнаиздат, 1980. С. 135-142.
4. **Жирков Л. И.** Грамматика лезгинского языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1941. 131 с.
5. **Ибрагимов Г. Х.** Рутульский язык. Махачкала: Народы Дагестана, 2004. 308 с.
6. **Мейланова У. А.** Функции эргативного падежа в лезгинском языке // Труды Института языкознания АН СССР. М.: Изд. АН СССР, 1954. Т. 3. С. 250-257.
7. **Талибов Б. Б.** Грамматический очерк лезгинского языка. Махачкала: Советская энциклопедия, 1966. 604 с.
8. **Топуриа Г. В.** К вопросу об образовании повелительного наклонения в лезгинском языке // Сообщения Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1957. Т. 18. № 3. С. 363-368.
9. **Топуриа Г. В.** Основные морфологические категории лезгинского глагола (По данным кюринского и ахтынского диалектов). Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1959. 137 с.

SPECIFICS OF THE VERB OF THE KURUSH DIALECT OF THE LEZGHIN LANGUAGE

Kazimova Al'bina Maidulakhovna
 Daghestan State Pedagogical University
 a.cazimowa@yandex.ru

The article touches on the specifics of the verb of the Kurush dialect of the Lezghin language. The paper covers the following phenomena: the negative forms of the verb often interpreted in the special literature as a negative mood are formed in the Kurush dialect by the addition of the appropriate negation suffixes *-u*, *-uuñ* instead of *-ch*, *-chup* of the literary language; original formation of the past adverbial participles which are not observed in any other dialect unit of the Lezghin language; development of a specific form of past participles from the compound verbs.

Key words and phrases: the Kurush dialect; the Lezghin language; monoconsonantism; negative forms of the verb; original formation of adverbial participles; development of a specific form of participles; thematic vowel (determinant).

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье делается попытка выявить глубинное родство таких литературных героев как Подпольный человек Ф. М. Достоевского и Иуда Искариот Л. Н. Андреева. Особое внимание уделяется следующим аспектам личности этих героев: гордости и самоуничижению, наслаждению стыдом, усиленному сознанию, отношению к окружающим, тяге к власти и самоутверждению. На основании этих сходств можно сделать вывод, что оба этих героя принадлежат к одному и тому же литературному типу «подпольного человека».

Ключевые слова и фразы: подпольный человек; подполье; «Записки из подполья»; Ф. М. Достоевский; Иуда Искариот; Л. Н. Андреев.

Касаткина Ксения Вадимовна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
 kasatkak@mail.ru

**ИУДА ИСКАРИОТ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА
 КАК «ПОДПОЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК» СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА[©]**

Как известно, на рубеже XIX-XX вв. в русской литературной и философской мысли произошло новое открытие Достоевского. Н. А. Бердяев, Д. С. Мережковский, В. В. Розанов, Л. И. Шестов и многие другие выдающиеся умы Серебряного века не раз обращались к произведениям своего великого предшественника, заново осмысляя и наполняя их собственным содержанием. Одновременно для литературы рубежа веков, с ее чертами декаданса и модернизма, приобретает особую актуальность центральный для творчества Достоевского «подпольный тип». «Запискам из подполья» еще только предстояло пережить новое рождение в литературе экзистенциализма, однако, отголоски этой повести по-своему проявились в произведениях одного из самых ярких и своеобразных писателей Серебряного века – Леонида Андреева. Наиболее полно образ «подпольного человека» воплотился в главном герое повести Андреева «Иуда Искариот» (1907 г.) Чтобы доказать глубинное родство андреевского Иуды с Подпольным человеком Достоевского, попробуем сопоставить психологические и поведенческие особенности этих героев.